

Малина Максим Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: bestar@yandex.ru

Malina, Maxim A.,
PhD in Law, Associate Professor
at the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: bestar@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

SOCIALLY ORIENTED LAW ENFORCEMENT PROCESS: CONCEPT, MEANING, PROSPECTS

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается вывод, согласно которому человек, общество ждут от правоприменительного процесса, в первую очередь, справедливости. Исходя из этого анализируются подходы к ее пониманию и выстраивается вектор их сближения, объединения в рамках идеи о необходимости усиления социальной ориентированности правосудия. Вводятся понятия правосознания социальной направленности и социально ориентированного правоприменительного процесса, выделяются и исследуются их существенные характеристики, нравственные основы. В результате формируется ряд предложений по повышению гарантий справедливости, социальной ориентированности правоприменения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, государство, правоприменение, нравственность, справедливость, общество, личность, правосознание социальной направленности, социально ориентированный правоприменительный процесс

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Малина, М. А. Социально ориентированный правоприменительный процесс: понятие, значение, перспективы / М. А. Малина. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 25–33. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-4

ABSTRACT. The article substantiates the conclusion that both society and the individual expect justice from the law enforcement process. Based on this, approaches to its understanding are analyzed and the vector of their rapprochement, unification within the framework of the idea of the need to strengthen the social orientation of justice is built. Categories of legal awareness of a social orientation and a socially oriented law enforcement process are introduced, their moral basis and essential characteristics are distinguished and studied. On this basis, a number of proposals are being formed to increase guarantees of fairness and social orientation of the law enforcement process.

KEYWORDS: law, state, law enforcement, morality, justice, society, personality, social awareness, socially oriented law enforcement process

FOR CITATION:

Malina, M. A. (2026) Socially Oriented Law Enforcement Process: Concept, Meaning, Prospects. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 13(1): 25–33 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-4

Введение. Единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, это носитель суверенитета страны. Именно такой подход к пониманию миссии наших граждан, к определению сущности российской правовой государственности закреплен в Конституции РФ (ст. 3). Этот императив означает, что в реализации своего властного потенциала человек должен добиваться блага не только для себя, но и для всего общества, стремиться к достижению социально полезных результатов своей деятельности. Ведь, при сугубо эгоистических мотивах поступков, определение его в качестве источника власти очевидно приведет к краху. В обществе, где каждый ищет выгоду исключительно и только для себя, нет места милости, сочувствию, эмпатии, справедливости – нет места нравственным началам. По большому счету можно говорить и о забвении идеи государства и права в целом: право и нравственность безусловно имеют крепкую телеологическую, ценностную связь, о чем очень точно выразилась Е. А. Лукашева, указав: «Вся сфера действия права должна быть “пространством моральности”» [13, с. 4]. Уместно вспомнить и слова Г. Гегеля о том, что государство представляет собой действительность нравственной идеи [3, с. 385].

Поэтому в Конституции РФ, при определении источника власти и путей ее осуществления, речь идет о народе в целом. Это формирует социально ориентированный вектор взаимодействия государства, общества и человека. Одним из ключевых «проводников» народного волеизъявления здесь является власть судебная, недаром наш Президент В. В. Путин указал на «...необходимость обеспечения социальной направленности российского правосудия» [2].

Выполняя миссию по справедливому разрешению правовых споров, судебная власть стоит на защите права – главной ценности и системообразующего начала правового государства. Применяя закон, воплощая в жизнь его аксиологический, социальный посыл, суд обеспечивает интерес общества в установлении законности и правопорядка, и вместе с тем он выступает гарантом охраны прав конкретной личности, вовлеченной в судопроизводство (истец, ответчик, свидетель, обвиняе-

мый, потерпевший и др.). На конституционном уровне права и свободы человека провозглашены высшей ценностью, они защищаются государством, обеспечиваются правосудием (ст. 2 и ст. 18 Конституции РФ). Поэтому совершенно справедливо Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов в качестве стратегического направления развития правосудия определил его «человекоцентричность, служение обществу» [5].

Правоприменительный процесс и справедливость. Таким образом можно выделить двуединое начало судебного правоприменения: (1) защита интересов общества путем обеспечения законности и укрепления правопорядка и (2) защита прав и свобод человека – интересов личности. В итоге мы имеем дело с дихотомией «общество-личность», которая в преломлении к правоприменительному процессу требует более подробного рассмотрения.

В свое время Н. М. Коркунов отмечал: «Все разнообразие интересы человеческой жизни тяготеют к двум главным центрам: один из этих центров – личность человека, другой – общество» [12, с. 82]. Как личность, так и общество ждут от государства адекватной реакции на предоставленную ему власть. Они рассчитывают на создание благоприятных условий для развития своего творческого потенциала, для обретения разнообразных жизненных благ и благополучия в целом. То есть, делегируя государственным институтам свою власть, народ ждет от них честного и разумного использования этого «ресурса», справедливого распределения результатов его реализации. Поэтому одно из первостепенных мест в этой системе «обратной связи» от государства занимает справедливость, особенно в разрешении правовых споров и конфликтов – в правоприменении. Но как же ее достичь?

Подход первый. Поиск ответа на этот вопрос следует начать с исследования позиции И. А. Ильина, который главным препятствием здесь считал «предрассудок естественного равенства», предполагающий, что со всеми людьми надо обходиться «одинаково» [7, с. 8]. Сущность же справедливости великий философ-правовед видел как раз в неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми. Их нужно воспринимать и оценивать согласно индивидуальным особенностям, исключая урав-

нивание неравных, не предоставляя человеку необоснованных преимуществ. Люди неравны и неодинаковы, поэтому справедливость нельзя найти арифметически и осуществлять механически: по формуле «всем всего поровну». Справедливость отнюдь не предполагает равенства, она требует «предметно-обоснованного неравенства». Таким образом И. А. Ильин заключает, что справедливость есть «искусство неравенства», в ее основе лежит «...внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям» [7, с. 10]. В целом следует заключить, что рассуждения И. А. Ильина берут начало от идеи естественного, природного неравенства людей. И здесь логика безупречна.

Подход второй. Вместе с тем не лишним представляется посмотреть на проблему справедливости и под другим углом. Очень важной видится здесь точка зрения В. С. Нерсесянца – автора либертарно-юридической концепции правопонимания. В ее основу положен принцип формального равенства. Эта концепция посвящена праву и государству, однако считаем возможным и нужным использовать ее положения применительно к феномену справедливости. Ведь понимание права как равенства, как общего масштаба и меры свободы людей не может не включать идею справедливости. В. С. Нерсесянец как раз и утверждал, что «справедливость входит в понятие права, что право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права» [17, с. 28].

В целом речь идет о принципе равенства независимых субъектов права, при котором основанием и критерием их уравнивания выступает свобода лиц в общественных отношениях. В. С. Нерсесянец определял равенство как своего рода абстракцию, которая рождается в результате осознанного, мыслительного отвлечения от определенного рода различий и уникальных индивидуальных характеристик. Это похоже на построение математических моделей. В общественной сфере следует говорить о правовом равенстве, которое «абстрагировано ... от фактических различий и потому с необходимостью и по определению носит формальный характер» [18, с. 27]. То есть речь идет о признании равной правоспособности разных субъектов правоотношений, одинаковой возможности приобрести те или иные полномочия и блага. Но это отнюдь не означает равен-

ства уже приобретенных прав. В. С. Нерсесянец отмечает: «При формальном равенстве и равной правоспособности различных людей их реально приобретенные права и юридические обязанности (в силу различий между самими людьми, их реальными возможностями, условиями и обстоятельствами их жизни и т. д.) будут неравными» [16, с. 56].

Как видим, представленные подходы к пониманию справедливости отнюдь не противоречат друг другу. Их отличие вытекает из разнонаправленности исследовательского фокуса: справедливость рассматривается в разных плоскостях – как бы в субъективном и объективном ключе. В первом подходе акцент сделан на самом индивидууме и его уникальных чертах, второй построен на унифицирующих началах, его масштаб охватывает общественное устройство и регулирование. Поэтому предлагаем объединить эти два подхода, так как, по нашему мнению, они представляют собой две стороны одной медали.

Чтобы наглядно это проиллюстрировать, отметим, что концептуальное соотношение представленных подходов (так сказать, в их единстве и противоположности), по нашему мнению, сродни хрестоматийному делению права на объективное и субъективное. Понимание права, как формального равенства свободных и независимых людей позволяет посмотреть на регулирование общественных отношений без привязки к индивидуальным особенностям их субъектов, то есть вне их желаний и усмотрений. Именно эта абстрагированность от субъективных начал и позволяет создать внешне объективированную систему установлений (норма, закон – право в объективном смысле). В этих рамках создаются равные для всех возможности по реализации своего творческого потенциала. При этом норма права не зависит от воли, желания отдельного индивидуума, он не может ею распорядиться по своему усмотрению.

Право в субъективном смысле представляет собой управомоченность лиц вести себя (в пределах правил, установленных объективным правом) в соответствии со своими желаниями, обусловленными их волей и сознанием. Очевидно, что здесь на первый план выходят индивидуальные начала, то есть принципиально изменяется масштаб правопонимания – от аб-

стракции к конкретизации, от справедливости как формального равенства (второй подход) к справедливости как искусству неравенства (первый подход).

Представленное сопоставление двуединого характера справедливости с делением права на объективное и субъективное необходимо для выявления сущности правоприменительного процесса, так как именно в нем правовая проблема справедливости стоит особенно остро. В правоприменении объединяются объективное и субъективное право – абстрактная норма получает свое преломление к конкретному случаю, наполняется его индивидуальным содержанием. Соответственно необходима и конвергенция выделенных нами аспектов справедливости, подходов к ее пониманию. Раскроем эту мысль подробнее.

На самом общем уровне можно заключить, что в правоприменительном процессе происходит применение нормы права к конкретным жизненным обстоятельствам. Опираясь на выявленную выше связь права в объективном смысле с идеей формального равенства субъектов, можно сделать вывод: толкование подлежащей применению нормы должно быть направлено на выявление заложенной в нее законодателем «формулы» справедливости в интерпретации второго подхода к ее пониманию.

Но что такое конкретная жизненная ситуация, жизненный случай, к которому применяется норма? Ясно, что речь здесь идет о первом этапе правоприменительного процесса – об установлении фактической картины произошедшего. Это основа правоприменения. Установленная здесь при помощи доказывания фактическая сторона дела должна получить юридическую оценку – квалификацию. И далее, двигаясь от диспозиции к санкции правовой нормы, правоприменитель принимает решение. Главным условием полноценного процессуального познания произошедшего события выступает выявление, раскрытие не только внешних, отраженных в реальности его признаков, но и исследование всех антропологических его характеристик. В социальный контекст фактической картины дела, в ее «центр» помещен человек и истинного правоприменения не достигнуть без понимания его индивидуальности. Опираясь на выявленную выше связь субъективного права с понима-

нием справедливости, как искусства неравенства (первый подход), можно сделать вывод: постижение особенностей личности человека, вовлеченного в орбиту правоприменительного процесса, должно осуществляться путем тщательного исследования его устремлений, желаний, волеизъявлений, то есть с учетом положений субъективного права.

Таким образом в правоприменительном процессе, в движении от общего к частному, от абстрактного к конкретному, как бы сливаются объективное и субъективное право и соответственно объединяются оба аспекта справедливости (первый и второй подходы к ее пониманию). Она обретает здесь свою полноту. Именно этого общество и личность ждут от законодателя и правоприменителя, они ждут справедливого, социально ориентированного правоприменительного процесса. Но что это за феномен и что является движущей силой, гарантией такого объединения?

Социально ориентированный правоприменительный процесс: сущностные характеристики. Чтобы достичь в конкретном деле справедливости, в основе действий правоприменителя должно лежать пристальное внимание к человеческой индивидуальности, к жизненным, фактическим различиям людей. Как отмечал И. А. Ильин, это предполагает «живую наблюдательность», «обостренную чуткость к человеческому своеобразию», «способность вчувствоваться в других» и постичь «скрытую глубину души» личности [7, с. 10]. Справедливость «есть начало художественное: она созерцает жизнь сердцем, улавливает своеобразие человека, старается оценить его верно и обойтись с ним предметно» [7, с. 10].

Полагаем, что для выполнения этих условий, для воплощения этих очевидно нравственных начал необходимо правосознание особого рода: правоприменитель должен распознать и понять объективированный нравственный посыл законодателя и соединить его с собственной нравственной оценкой выявленных характеристик конкретного случая. Отметим, что под нравственностью мы подразумеваем систему объективированных социальных норм, содержащих критерии оценки поведения людей с точки зрения добра и зла, милости и жестокости, чести и бесчестности и т. д. С нравственностью неразрывно связана категория

нравственного сознания. Это феномен субъективной природы, он включает воззрения конкретного индивидуума, его убеждения и впечатления о справедливом и несправедливом, о правде и неправде и др. Полагаем, что нравственность должна находить и находит свое отражение в праве, насыщая его своей аксиологической энергией, значит и нравственное сознание, ввиду своей «генетической» связи с нравственностью, должно занять свое место в правовой сфере. И место это, по нашему мнению – правосознание правоприменителя.

Таким образом можно заключить, что право и правосознание в правоприменительном процессе должны иметь общее нравственное основание, своего рода нравственные «каналы связи». Последние представляют собой пути взаимопередачи между ними психологического, духовного, морального импульса. Это позволит правоприменителю правильно расставить акценты в соотношении общественных и частных начал в правоприменительном процессе, в их гармонизации. Еще И. Кант писал: «Человек ответственен за человечество в своем лице» [8, с. 448]. Представляется, что выявленная нравственная взаимосвязь права и правосознания послужит осуществлению этой идеи, формированию социальной ориентированности установок личности в правосознании правоприменителя. В итоге мы получаем такую категорию, которую можно определить как правосознание социальной направленности.

Единая нравственная основа права и правосознания социальной направленности позволит объединить правотворчество и правоприменение – связать их общей духовно-нравственной идеей о справедливости. В более конкретной плоскости это видится нам следующим образом. Правосознание социальной направленности через нравственные «каналы» взаимодействия с правом получает его нравственный посыл, так сказать, внешнего свойства – направленный на абстрактного человека. Духовно-нравственная составляющая правосознания, формирующая его социальную направленность, позволит правоприменителю «расшифровать», интерпретировать это «послание» по отношению к конкретному индивиду, прочувствовав, поняв все нюансы и особенности его личности.

Представляется, что это позволит воплотить в жизнь сформулированный в свое время А. Ф. Кони императив: чувство истинной справедливости заключается в умении «поставить себя на место другого и понять его чувства в том или другом положении», в душе судьи должно, «...как живое напоминание о связи со всем окружающим миром, звучать – это тоже ты – ты в падении, ты в несчастии, ты в невежестве, нищете и заблуждении, ты в руках страсти» [20, с. 43]. Правоприменитель должен «...без фарисейской гордыни представить себя в положении судимого человека и сказать себе: “Это тоже ты!”» [11, с. 35]. В этом А. Ф. Кони видел нравственный долг судьи.

В развитие этого подхода важно обратить внимание на очень интересную точку зрения А. И. Овчинникова, согласно которой «понимание правовых норм определяется глубиной личных переживаний, возникающих в каждой конкретной ситуации правоприменения, и имеет творческий характер», следовательно, заслушивая стороны, судья должен «переносить себя на место участников процесса в ходе понимания их позиции» [19, с. 12].

Полагаем, что такого рода эмпатия, берущая начало и укореняющаяся в нравственной основе дела, способна выступить искомой движущей силой, гарантией объединения обеих аспектов справедливости. Правоприменитель словно погружается в тот социальный контекст, в ту ситуацию, в которой оказались, например, обвиняемый и потерпевший. Осуществляется оценка ситуации с точки зрения формального, объективного аспекта справедливости и на этой основе он может вчувствоваться, понять личностные характеристики, особенности, мотивы каждого из них (субъективный аспект справедливости). Это в свою очередь служит гармонизации интересов общества и личности в конкретном деле. Здесь ведущую роль играет правосознание социальной направленности, которое при этом обретает путь и формы для своего развития. В свое время И. А. Ильин одну из ключевых «аксиом правосознания» определил, как «закон духовного достоинства»: он требует от человека, чтобы тот на деле убедился в «...своей способности к восприятию и осуществлению объективной, высшей ценности» [6, с. 149]. Если в результате правоприменения достигается справедливость во всей ее полноте, справедливость,

которую ждут от него общество и личность, то можно смело говорить о восприятии и осуществлении правоприменителем высшей ценности. Это и есть социально ориентированный правоприменительный процесс.

Подводя промежуточный итог, приведем пример наиболее яркого проявления такой гносеологической эмпатии. Обратимся к суду с участием присяжных заседателей. Здесь дихотомия «общество» – «личность» раскрывается в очень интересном ключе, так как представители общественного интереса встречаются с подсудимым напрямую, как говорится, глаза в глаза. Это позволяет присяжному поставить себя на место обвиняемого, оценить мотивы его действий, прочувствовать все аспекты произошедшего.

Такое свойство не раз становилась предметом рассмотрения исследователей этого института. Например, К. Миттермайер отмечал, что присяжные «ставят себя в положение обвиняемого и взвешивают обстоятельства, по которым он действовал...» [14, с. 514]. Л. М. Карнозова указывала на способность присяжных «понять другого человека как равного» [9, с. 260]. В итоге коллегия может прийти даже к выводу о том, что в конкретном случае обвиняемый (при полной доказанности совершения им преступления) наказанию за содеянное не подлежит. Этот феномен известен в науке как нуллификация закона (nullification of law). Например, она имела место в хрестоматийном деле Веры Засулич [10, с. 363–506], в громкой истории Веры Краскиной в 1995 году [15, с. 128–131] и др. В свое время очень точное объяснение этому свойству суда присяжных дал А. М. Бобрищев-Пушкин: с точки зрения закона человек может быть виновным, но не подлежит «согласно данным правосознания присяжных обвинению по суду, даже независимо от характера и возможных размеров ответственности» [1, с. 609]. Здесь нравственный аспект правосознания присяжного достигает своего пика и приближает его к высшему проявлению справедливости. В лице обвиняемого он защищает и себя, и общество от несправедливости, иногда возможной ввиду неспособности закона всегда ухватить, уловить все многообразие жизни.

Можно заключить, что и в целом в суде присяжных общественные и частные начала

гармонизируются в вердикте, происходит их слияние. Здесь нет абстрактного публичного интереса, есть конкретные люди – носители общественной совести. Правосознание присяжного проходит через духовно-нравственную метаморфозу, так как на основе его выводов решается судьба человека, судьба общества. Он претерпевает испытание ума и совести, испытание ответственностью. При этом его правосознание играет роль надежного проводника нравственных импульсов, преобразуется в правосознание социальной направленности. При этом председательствующий выступает гарантом справедливости обвинительного вердикта: если он с ним не согласится (ввиду оценки доказательств по своему внутреннему убеждению), то коллегия распускается и дело направляется на новое рассмотрение в ином составе (ч. 5 ст. 348 УПК РФ). Ясно, что речь идет о необходимости социальной направленности и его правосознания.

Заключение и выводы. Полагаем, что только такой правоприменительный процесс может быть действительно справедливым, в котором право и правосознание правоприменителя опираются на единое нравственное основание, связаны им, обеспечены реальной возможностью двустороннего нравственного взаимопроникновения. Это выступит важнейшей гарантией гармонизации общественного и личного интересов в деятельности правоприменителя, формирования духовно-нравственной и социальной ориентированности установок личности в его правосознании. Такой феномен мы определили, как правосознание социальной направленности. Нравственная связь права и правосознания социальной направленности позволяет сущностно взаимодействовать правосознание и правоприменение, соединить их общей духовно-нравственной идеей о правде, о справедливости.

Тогда правосознание социальной направленности, взаимодействуя с правом, «считывает» заложенный в него нравственный посыл в целом. Изначально он направлен на обеспечение прав и свобод интересов общества, равно и некоего абстрактного его члена (внешний аспект феномена справедливости, опирающийся на идею формального равенства). Далее правоприменитель, ставя себя на место конкретного участника процесса, интерпретирует эту

идею, ее смысл по отношению к его личности и учитывает здесь все ее особенности (внутренний аспект феномена справедливости, опирающийся на идею об «искусстве неравенства»). Таким образом, эта гносеологическая эмпатия выступит в качестве силы, объединяющей обе составляющие справедливости, гарантией ее полноты. В итоге в конкретном деле, с одной стороны, наиболее полно обеспечиваются интересы общества: укрепляются нормы объективного права, законность, правопорядок, и вместе с тем, с другой стороны, реально защищаются права человека – рождается социально ориентированный правоприменительный процесс.

Все его стадии должны служить воплощению в жизнь представленных сущностных характеристик. Например, в доказывании должно уделяться принципиальное внимание установлению действительной картины произошедшего во всей ее полноте. Для этого должен осуществляться очень точно сформулированный И. Я. Фойницким принцип о необходимости обеспечения «эластичности» доказательственной системы и ее возможности «обнять» все «разнообразие духовной жизни человека» [21, с. 13]. При квалификации и решении дела в правосознании правоприменителя происходит объединение идеи формального равенства и идеи «искусства неравенства» – применительно к правовой оценке установленных обстоятельств конкретного дела и определению их справедливых юридических последствий.

Без таких свойств правоприменительного процесса не будет реально обеспечена его социальная направленность, речь может идти больше о механической, технологичной природе, что вряд ли в полной мере удовлетворит интересы общества и личности.

На самом общем уровне некоторые пути развития социально ориентированного правоприменительного процесса видятся нам в следующем. Необходимо вести активную работу по расширению компетенции суда с участием присяжных заседателей, тщательно проанализировать возможности его использования для рассмотрения определенных категорий гражданских дел. В целом, для повышения гарантий гносеологической эмпатии правоприменителя чрезвычайно важным представляется расширение коллегиальных начал в процессе – как народных, так и профессиональных.

Решение задач формального, рутинного характера возможна с использованием технологий искусственного интеллекта. Его вспомогательная по отношению к правоприменителю роль позволит высвободить для последнего необходимый ресурс для тщательной работы над социальной направленностью правоприменения. В итоге представленные начала социально ориентированного процесса найдут свое отражение в правоприменительной практике, словно пропитают ее своей энергией. Далее необходимо обеспечить такой ее анализ и обобщение, который поможет законодателю закрепить эти начала в правотворческом процессе, дать им развитие. Серьезную роль здесь могут сыграть соответствующие полномочия судебной власти: реализация права законодательной инициативы, проверка конституционности нормативно-правовых актов, подлежащих применению судом в конкретном деле, и т. д.

Но насколько обобщение и анализ судебной практики, осуществляемые судебной властью, позволят выявить, осмыслить растворенные в конкретном деле духовно-нравственные его основы, все аспекты справедливости, проявления правосознания социальной направленности и др.? Достаточно ли здесь возможностей по формированию (на основе практики социально ориентированного правоприменения) искомой «питательной» правовой материи для законодателя? Представляется, что нет. Необходимо искать руководящие начала в выводах научного мышления о праве и правоприменении. Здесь нельзя обойти вниманием французский опыт. Еще А. Эсмен писал: «Доктрина берет судебную практику в качестве основного объекта исследования» [23, с. 1]. Сегодня заслуживающие внимания судебные решения отбираются французскими профессорами права и далее к ним составляется «примечание» (note) – «авторский доктринальный текст, где в очень лаконичной и искусной форме обозначена правовая проблема и показано ее решение судом» [4, с. 17]. Такое разделение труда между «...профессорским и судебским корпусами – это давняя французская традиция, в силу которой сами судьи note не пишут (у них другая работа)» [4, с. 17].

Предлагаем использовать российскую университетскую доктрину в аналогичном ключе, но результаты научного осмысления судебных

решений будут представляться законодателю, возможно даже в виде четко разработанных рекомендаций. Тогда научная мысль может стать искомым связующим звеном между судебной практикой и законотворчеством, обеспечивая системное единство формирования права, его формулирования, применения (их нравственную «корреляцию»). Во главе угла при этом – выявленные нами сущностные характеристики социально ориентированного правоприменительного процесса.

Благодаря этому «связующему звену» могут полноценно исследоваться сущность и реальные проявления на практике источников формирования права. Последние в очень интересном ключе определяются Д. Ю. Шапсуговым: это «природная и нравственная жизнь человека в их единстве» [22, с. 134]. При этом первый познается «рассудком» (начальный, чувственный уровень познания, опирающийся на непосредственные знания о предмете), а второй осмысливается разумом, «...который имеет своим источником рассудочные определения, обобщая которые, он познает общее в опыте, в результате чего появляются понятия разума» [22, с. 134]. Тогда предложенное нами усиление, укрепление эмпатии правоприменителя за счет ее наполнения нравственными началами, развивающимися в системном единстве правотворчества и правоприменения, послужат формированию у последних социальной направленности, ориентированности на достижение справедливости во всей ее полноте. Что в свою очередь должно обеспечиваться совершенствованием научной мысли и сопровождаться постепенным переходом «рассудочного мышления в разумное в едином процессе познания» [22, с. 73]. Полагаем, что это сыграет существенную роль в эволюции отечественной правовой системы и становлении российского социального правового государства.

Список использованных источников

1. Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М.: Книга по требованию, 2013. 624 с.
2. Высшая социальная инстанция: открытость судов прогрессу // Российское агентство правовой и судебной информации. 19.02.2025. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20250219/310641751.html (дата обращения: 01.03.2026).

3. Гегель Г. Философия права. М.: АСТ, 2023. 544 с.
4. Головкин Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 6–34.
5. Доклад Председателя Верховного Суда на итоговом совещании за 2025 год. 19.02.2026 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/35517> (дата обращения: 03.03.2026).
6. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
7. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М.: Эксмо, 2025. 202 с.
8. Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 4. М.: Мысль, 1965. 544 с.
9. Карнозова Л. М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М.: NOTA BENE, 2000. 366 с.
10. Кони А. Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М.: Эксмо, 2013. 640 с.
11. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. М.: Госюриздат, 1956. 888 с.
12. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 520 с.
13. Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М.: Наука, 1986. 263 с.
14. Миттермайер К. Суд присяжных в Европе и Америке. Петербург, 1865. 129 с.
15. Насонов С. А., Ярош С. М. Вердикт присяжных заседателей. М.: Р. Валент, 2003. 160 с.
16. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1999. 552 с.
17. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. 652 с.
18. Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1998. 288 с.
19. Овчинников А. И. Правовое мышление: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2004. 47 с.
20. Полянский Н. Н., Сыромятников Б. И. На службе праву. А. Ф. Кони. М.: Право и жизнь, 1928. 55 с.
21. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 552 с.
22. Шапсугов Д. Ю. Рассудок – разум – право. Ростов-на-Дону, 2016. 192 с.
23. Esmen A. La jurisprudence et la doctrine // Revue trimestrielle de droit civil. 1902. № 1.

References

1. Bobrishchev-Pushkin A. M. Empirical laws of the Russian jury. Moscow: Book on demand, 2013. 624 p. [in Russ.].
2. The highest social authority: openness of the courts to progress. *Russian Agency for Legal and Judicial Information*. 19.02.2025. Available at: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20250219/310641751.html (date of access: 01.03.2026) [in Russ.].
3. Hegel G. Philosophy of law. Moscow: AST, 2023. 544 p. [in Russ.].

4. *Golovko L. V.* Judicial precedent as a non-normative way of legitimizing court decisions. *Bulletin of Civil Law*. 2010. No. 6. P. 6–34 [in Russ.].
5. Report of the President of the Supreme Court at the final meeting for 2025. 19.02.2026. *Official website of the Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: <https://www.vsrfr.ru/files/35517> (date of access: 03.03.2026) [in Russ.].
6. *Ilyin I. A.* On the essence of legal consciousness. Moscow: Rarog, 1993. 235 p. [in Russ.].
7. *Ilyin I. A.* Singing heart. Book of quiet contemplation. Moscow: Eksmo, 2025. 202 p. [in Russ.].
8. *Kant I.* Works in 6 vols. Vol. 4. Moscow: Thought, 1965. 544 p. [in Russ.].
9. *Karnozova L. M.* Revived jury trial. Design and formation problems. Moscow: NOTA BENE, 2000. 366 p. [in Russ.].
10. *Koni A. F.* Law and Justice. Articles and speeches. Moscow: Eksmo, 2013. 640 p. [in Russ.].
11. *Koni A. F.* Moral principles in criminal proceedings. Selected works. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 888 p. [in Russ.].
12. *Korkunov N. M.* Lectures on the general theory of law. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. 520 p. [in Russ.].
13. *Lukasheva E. A.* Law, morality, personality. Moscow: Science, 1986. 263 p. [in Russ.].
14. *Mittermeier K.* Jury trials in Europe and America. Petersburg, 1865. 129 p. [in Russ.].
15. *Nasonov S. A., Yarosh S. M.* Jury verdict. Moscow: R. Valent, 2003. 160 p. [in Russ.].
16. *Nersesyants V. S.* General theory of law and state. Moscow: NORMA – INFRA-M, 1999. 552 p. [in Russ.].
17. *Nersesyants V. S.* Philosophy of Law. Moscow: INRFRA-M – NORMA, 1997. 652 p. [in Russ.].
18. *Nersesyants V. S.* Jurisprudence. Introduction to the course of general theory of law and state. Moscow: NORMA-INFRA-M, 1998. 288 p. [in Russ.].
19. *Ovchinnikov A. I.* Legal thinking: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Law: 12.00.01. Krasnodar, 2004. 47 p. [in Russ.].
20. *Polyansky N. N., Syromyatnikov B. I.* In the service of law. A. F. Coney. Moscow: Law and Life, 1928. 55 p. [in Russ.].
21. *Foinitsky I. Ya.* Course of criminal proceedings. Vol. I. St. Petersburg: Alpha, 1996. 552 p. [in Russ.].
22. *Shapsugov D. Yu.* Reason – reason – right. Rostov-on-Don, 2016. 192 p. [in Russ.].
23. *Esmen A.* La jurisprudence et la doctrine. *Revue trimestrielle de droit civil*. 1902. No. 1. P. 11.

Поступила в редакцию 04.03.2026

Received March 04, 2026